

УДК 811.112.2'37 (045)

**ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОЗНАНИЯ В СТРУКТУРАХ ЗНАНИЯ О ФОРМЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)****Ю.О. БАРХАТОВА***(Полоцкий государственный университет)*

На ранних ступенях развития общества не было познания,
которое не было бы эмоциональным. ...

С другой стороны, «чисто» эмоциональное восприятие вещей
всегда включало и некоторые познавательные элементы*.

Особенности интерпретативности и «аффективности» как важных составляющих познавательного процесса рассматриваются на примере имён прилагательных современного немецкого языка, описывающих форму объектов окружающей действительности. Интерпретативность находит отражение в характеристике формы одного объекта через отсылку к другому. При этом данная операция неизбежно сопровождается оценкой, то есть эмоциональным отношением человека. Эмпирический материал свидетельствует о том, что рациональная оценка, заключающаяся в указании на предмет, выступающий эталоном той или иной формы, в большинстве случаев представлена на уровне парадигматики. Эмоциональная, отрицательная или же положительная оценка формы объектов зафиксирована на синтагматическом уровне в сочетаемости и проявляется в тех случаях, когда форма объекта не соответствует принятой норме.

Введение. На современном этапе развития лингвистической науки подход к объекту исследования характеризуется тем, что язык рассматривается не как **отражающий** внешний или внутренний мир человека, а как фиксирующий определенную **интерпретацию** этого мира. Согласно В.В. Лазареву, «интерпретативность – это фундаментальное качество любого познавательного процесса. ... человек... обречен на интерпретативное познание» [2, с. 41]. При этом под интерпретацией понимаются относительно разные аспекты познавательного процесса. Так, У. Чейф связывает интерпретацию с ограничением наших сенсорных возможностей, в результате чего мы сосредоточиваемся только на отдельных небольших фрагментах окружающего мира, также с нашими наследственными способностями, а частично – с культурой и индивидуальным жизненным опытом. На этом основании автор делает вывод о том, что интерпретация не является ни достоверной, ни полной картиной того, что существует вне нас [3, с. 78].

Другим аспектом процесса познания, на который указывают как лингвисты, так и психологи, является его «аффективность», эмоционально-волевой характер, в результате чего фиксируется не только знание о явлениях, но и **отношение к ним** (цит. С.Л. Рубинштейн по [4, с. 153]). Ср. также: «наряду с чисто познавательным аспектом образ должен включать в себя также **оценку** результатов отражения и **эмоциональное отношение** к ним самого субъекта» [5, с. 69] (выделено нами – Ю. Б.). Оценка **неизбежна** при соприкосновении процесса познания с объективным миром [6, с. 152]; эмоции – это «специфическая форма человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языковое отражение в лексиконе и речевой деятельности человека» [7, с. 29].

В этой связи следует подчеркнуть, что такое понимание познавательных процессов отразилось и на трактовке значения слова в рамках когнитивной парадигмы лингвистических исследований, где оно стало пониматься как структура знания, опыта, эмоций, оценок и т.д., стоящих за каким-либо знаком (Е.С. Кубрякова, 2004; И.А. Стернин, 2005; М.В. Никитин, 2003; Н.Н. Болдырев, 2004; Е.В. Рахилина, 2000). Эта психическая сущность именуется также терминами *концепт* или *концептуальная структура*, которые будут использованы далее в данной статье.

Нельзя не признать, что указанная идея присутствовала в трудах лингвистов и ранее, например, в теории номинации или мотивации значения, где указывалось, что в основу номинации какого-либо объекта или явления кладется один признак (реже – два или несколько), выделенный номинатором из всей совокупности свойств объекта. Произвольность в выборе такого признака и расхождения между языками в номинации одного и того же объекта можно рассматривать как проявление интерпретативности познания. Но идея об эмоциональности, оценочности, «аффективности» познавательных процессов, результаты которых фиксируются лексическими единицами разных классов, получает особое развитие только в рамках когнитивного подхода к языку. Предпосылкой этого стала такая фундаментальная черта нового направления, как антропоцентризм.

* [1, с. 61 – 62].

Предваряя изложение конкретных результатов исследования сформулированной в заголовке статьи проблемы, необходимо прояснить отношение таких тесно взаимосвязанных понятий, как *эмоции* и *оценка*. Трудность их разграничения проявляется, например, в следующей дефиниции: **эмоции** «есть не что иное, как **деятельность оценивания** поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире» [8, с. 29] (выделено нами – Ю. Б.). **Оценка** предмета человеком обычно **связана с эмоциональными переживаниями**, поэтому часто говорят эмоциональная оценка [9] (выделено нами – Ю. Б.).

Признавая наличие эмоций в процессе познания мира, лингвисты сосредоточивали внимание в первую очередь на языковых единицах, которые выражали оценку, эмоции, волю, чувства как осознанные явления и осознанные факты эмоциональных переживаний в такой же степени, как и прочие объекты, включенные в сферу психической деятельности [10, с. 27]. Для идеи данной статьи особую важность приобретает мнение Ш. Балли о неустойчивости и зыбкости границы между рациональным и чувственным характером познания. «Мы никогда не говорим и не думаем абсолютно рассудочно, но, с другой стороны, эмоциональная зона мысли может быть настолько мала, что ее речевое выражение практически следует зачислить в категорию логического языка. Но верно также и обратное: чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведенной к нулю... **В языке нет двух строго ограниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффективных значений**» [11, с. 23] (выделено нами – Ю. Б.). В рассматриваемое соотношение категорий оценочности и эмоциональности некоторые лингвисты вводят еще один компонент – экспрессивность, указывая при этом, что все три компонента характеризуют явления с разных позиций [12, с. 93].

Сказанное позволяет, с одной стороны, сделать вывод о неразрывной связи между оценкой и эмоциями, их синкретизме, а с другой – использовать эти термины в контексте данной статьи как реферирующие к одному и тому же аспекту познавательного процесса и, следовательно, как взаимозаменяемые или синонимичные.

Основная часть. Всякая оценка выражает отношение субъекта к явлениям действительности. Критерий «хорошо – плохо» является лишь одним из многих, хотя и основополагающим, входящих в семантику оценки. Но **любое измерение** свойств объектов, определение качеств, признаков, действий, состояний – **уже есть оценка**. В связи с этим особо актуальным предстает мнение В.В. Виноградова о том, что «слово не только обладает грамматическими и лексическими значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта» [13, с. 21].

Объектом данной статьи являются немецкие имена прилагательные, описывающие форму объектов окружающей действительности. Интерпретативность в широком понимании термина проявляется здесь, например, в том, что описание формы одного объекта часто осуществляется через отсылку к другому. Наше сознание в процессе осмысления (и называния впоследствии) реально воспринятого объекта осуществляет его обобщение и типизацию. Обобщение происходит в ходе мысленного соотнесения воспринятого органами чувств признака с имеющимся в сознании «эталоном», «точкой отсчёта», «нормой», особой для каждой разновидности объектов.

Понятие «эталоны», «точки отсчёта» не является ни абсолютно объективным, ни абсолютно субъективным, оно имеет субъективно-объективный характер, например: *halbmondformige Kekse* ‘печенье в форме полумесяца’, *ballige Wolken* ‘шарообразные облака’, *ein kerzengerader Baum* ‘прямое, как свеча, дерево’. Наиболее отчетливо эмоциональная оценочность проявляется в таких сочетаниях, как *birnenförmiger Kopf* ‘грушевидная форма головы’, когда форма головы определяется и описывается через соотнесение с объектом «груша». Отсюда следует, что выбор эталона при описании формы уже есть оценка, сопровождаемая эмоциями.

Самая общая классификация языковых оценок формы может быть представлена в виде шкалы с тремя основными делениями – $\leftarrow 0 \rightarrow +$, то есть соответственно положительная, нулевая (нейтральная, рациональная) и отрицательная оценка.

В ходе анализа лексических значений имён прилагательных, описывающих форму, было установлено, что *на уровне парадигматики* они в большинстве случаев фиксируют рациональную оценку, то есть относительно нейтрально представляют восприятие и языковую репрезентацию формы одного объекта через соотнесение с формой другого, что отражено в дефинициях: *beerenförmig* – *wie eine Beere geformt* ‘в форме ягоды’, *blattförmig* – *Blattform besitzend* ‘листообразный’, *flaschenförmig* – *die Form einer Flasche habend* ‘в форме бутылки’, *glockenförmig* – *einer Glocke ähnlich, in der Form einer Glocke* ‘в форме колокола’, либо характеризуют очертания контуров, поверхности: *scharf* – *(am Rand o. Ä.) nicht abgerundet und glatt, sondern in eine Spitze, in einen spitzen Winkel zulaufend* ‘(о крае) не гладкий, а острый, остроконечный’; *stumpf* – *nicht in eine Spitze auslaufend; nicht [mehr] spitz; an einem Ende abgestumpft, ohne Spitze* ‘тупой - не заостряющийся на конце [к концу]; [больше] не острый; притуплённый на конце, без острого кончика’; *glatt* – *ohne sichtbare, spürbare Unebenheiten* ‘гладкий, ровный – без видимых, осязаемых неровностей’ [14].

Этим восприятие формы объектов отличается от других перцептивных признаков, где более важна эмоциональная оценка. По мнению Н.Д. Арутюновой, «сказать о том, вкусна ли пища, приятен ли у человека голос, хорошо ли пахнет цветок, иногда бывает достаточно для характеристики объекта» [15, с. 84].

На синтагматическом же уровне, то есть в сочетаниях с разными существительными, эти, на первый взгляд, нейтральные прилагательные способны выражать эмоциональную оценку формы соответствующих объектов: *birnenförmiger Kopf* ‘грушевидная голова’, *eine alte Frau mit einem tonnenförmigen Leib* ‘старая женщина с животом в виде бочки’; *der gurkenförmige Wolkenkratzer* ‘небоскрёб в форме огурца’. В отличие от приведенных выше примеров типа *halbmondförmige Kekse* ‘печенье в форме полумесяца’, где данная форма – одна из нескольких (многих) одинаково возможных форм, за данными сочетаниями стоит структура знания о том, какую форму имеют определенные объекты «в норме», позволяющая констатировать отклонение от нее. Эмпирический материал свидетельствует о том, что коммуникативная потребность в особом указании на форму объекта и возникает тогда, когда она не соответствует норме, что чаще всего сопровождается негативной эмоциональной оценочностью. В тех же случаях, когда форма объекта не является строго фиксированной, как, например: *der zapfenförmige Langpfeffer* ‘длинный перец в форме сосульки’, *zwiebelartige Türme* ‘башни в форме луковицы’, «эмоциональная зона мысли», – выражаясь словами Ш. Балли, – мала [11, с. 23], а преобладает рациональная оценка.

Эмоциональная оценка, входящая в концепт, стоящий за каким-либо наименованием формы, может быть обусловлена и выбором «точки отсчета» для представления формы объекта. Так, в дефиниции производных прилагательных типа *klobig* – *eine grobe, kantige Form habend*, *unförmig wie ein Klotz* ‘имеющий **грубую, угловатую** форму, **бесформенный** как колода, чурбан’ (например: *ein klobiger Tisch, Stuhl, Stamm* ‘грубый, бесформенный стол, стул, ствол дерева’; *eine klobige Gestalt* ‘тяжелая, грубая, бесформенная фигура’; *klobige Hände, Finger* ‘грубые, узловатые, бесформенные руки, пальцы’; *eine klobige Nase* ‘грубый, бесформенный нос’) *klotzig* – (*abwertend*) *unförmig wie ein Klotz, eine grobe, kantige Form habend* ‘**бесформенный** как колода, чурбан, имеющий **грубую, угловатую** форму’ (например: *ein klotziger Mann* ‘неуклюжий, угловатый мужчина’, *ein klotziger Kopf* ‘угловатая голова’, *ein klotziger Turm* ‘грубая бесформенная башня’, *ein klotziger Tisch, Schrank* ‘угловатый, бесформенный стол, шкаф’; *eine klotzige Hütte* ‘бесформенная, угловатая хижина’) эксплицирована негативная оценка воспринимаемой формы. Эту оценку прилагательные «наследуют» от соответствующих имен существительных, ср.: *Klotz - großes, dickes, unbearbeitetes Stück aus Holz* ‘колода, чурбан – большое, толстое, необработанное бревно’, хотя в их семантике оценка не зафиксирована так четко, входит, скорее, в зону ассоциаций и извлекается из нее, то есть получает экспликацию, в значении прилагательного.

Особый интерес в рассматриваемом отношении представляют непроеизводные прилагательные, в семантике которых эмоционально-оценочный компонент скрыт наиболее глубоко, являясь тем не менее неотъемлемой частью соответствующих концептуальных структур. Свидетельством существования его являются, с одной стороны, этимологические данные, с другой – употребление прилагательных в речи в разных сочетаниях, которые и объективируют, «выводят на поверхность» рассматриваемый компонент. Так, форма *krumm* ‘кривой’ интерпретируется сегодня довольно нейтрально как ‘не прямой, имеющий дугообразные отклонения’ (*in seinem Wuchs, seiner Form nicht gerade, sondern eine oder mehrere bogenförmige Abweichungen aufweisend*): (например: *eine krumme Linie* ‘кривая линия’, *eine krumme Nase* ‘кривой нос’, *ein krummer Schnabel* ‘кривой клюв’, *ein krummer Nagel* ‘кривой гвоздь’, *krumme Beine* ‘кривые ноги’ *krumme Schere* ‘кривые ножницы’ *ein krummer Ast, Baum, Messer* ‘кривой сук, ствол дерева, нож’. Но многочисленные устойчивые (фразеологические) сочетания с этим прилагательным типа: *einen krummen Buckel [Rücken] (vor jemandem) machen* ‘гнуть спину перед кем-либо, низкопоклонничать перед кем-либо’; *krumme Finger machen* ‘быть нечистым на руку’, *krumme Wege gehen, auf krummen Wegen wandeln, krumme Pfade wandeln* ‘действовать окольными путями, заниматься нечестными делами’, свидетельствуют о том, что в структуру знания, зафиксированную этим прилагательным, входит эмоционально-оценочный компонент, который ощущается говорящими и интуитивно. Тот факт, что устойчивые сочетания с данным прилагательным *sich krumm legen* ‘урезывать себя во всём’, *sich krumm machen* ‘мучиться’ используются в первую очередь для описания разных состояний человека, объясняется тем, что исходным его значением и было описание частей тела человека, **не соответствующих норме**: конечностей, **искривленных болезнью или возрастом**; лица или рта, имеющих не соответствующую ожиданиям форму, что вызывалось гневом, недовольством, сомнениями, завистью, ненавистью и под. [16]. Отсюда и второе переносное значение прилагательного 2. (ugs.) *unrechtmäßig, unter Anwendung unerlaubter Mittel* ‘неправомерный, с применением незаконных средств’: *krumme Sachen* ‘нечестные дела’, *krumme Geschäfte machen* ‘заключать грязные сделки’, развившееся на основе указанного компонента «не соответствующий норме, ожиданиям».

То же можно наблюдать и на примере антонимического прилагательного *gerade*, представляемого в слове как *in unveränderter Richtung fortlaufend, nicht krumm, gekrümmt, unverbogen* ‘прямой – в неизменном направлении, не кривой, не изогнутый, не искривленный’ (например: *eine gerade Linie* ‘прямая линия’, *ein gerader Stock, Weg* ‘прямая палка, дорога’, *eine gerade Strecke* ‘прямой участок дороги’).

Обращение же к этимологическим источникам позволяет выявить и здесь целую гамму эмоций, связанных первоначально с данной формой *gleichmäßig in einer Richtung fortlaufend, ohne Krümme oder Schiefe; gleichmäßig gewachsen, regelrecht gebaut, wohlgestaltet, stattlich, schön* ‘**симметричный**, в неизменном

направлении, без извилин и кривизны, **правильно** сложенный, **красиво** составленный, **статный, видный**, которые эксплицируются сегодня в переносных употреблениях прилагательного типа *ein gerader Mensch* 'прямой, откровенный человек', *ein gerader Charakter* 'прямой характер'.

Заключение. Приведенный эмпирический материал свидетельствует о том, что восприятие формы объектов не является объективным отражательным процессом. Оно интерпретативно по своей сути и сопровождается оценкой – рациональной или эмоциональной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев, В.И. Статьи по теории и истории языкознания / В.И. Абаев; [сост., отв. ред. В.М. Алпатов]; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука, 2006. – 150 с.
2. Лазарев, В.В. Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход: моногр. / В.В. Лазарев. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – 506 с.
3. Чейф, У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления / У. Чейф // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 78 – 88.
4. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд. доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
5. Меркулов, И.П. Когнитивная эволюция / И.П. Меркулов. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЗН), 1999. – 310 с.
6. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективного и объективного факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
7. Шаховский, В.И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности / В.И. Шаховский // Общество, язык и личность: материалы Всерос. науч. конф., Пенза, 23 – 26 окт. 1996 г. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 29 – 30.
8. Додонов, Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978.
9. Лукьянова, Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: НГУ, 1976. – Вып. V. – С. 3 – 21.
10. Уфимцева, А.А. Лингвистическая сущность аспекта номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – 358 с.
11. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1971. – 394 с.
12. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
13. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. школа, 1972. – 640 с.
14. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bänden [Электронный ресурс]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim & Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CD-Rom).
15. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. испр. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
16. Grimm, J. Deutsches Wörterbuch: in 32 Teilbänden / J. Grimm, W. Grimm [Электронный ресурс]. – Leipzig: S.Hirzel, 1854 – 1960. – Режим доступа: <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher/dwb>. – Дата доступа: 02.02.2008.

Поступила 20.09.2009

EMOTIONALITY OF COGNITION IN FORM KNOWLEDGE STRUCTURES

This article deals with peculiarities of “interpretativeness” and “affectiveness” as two important components of the cognitive process, using as an example the adjectives of the modern German language, which describe the form of objects of the surrounding reality. Interpretativeness becomes apparent by the way of characterizing one object’s form through the reference to another. And this operation is inevitably followed by the appraisal, i.e. emotional attitude of a person. Empirical material indicates that rational evaluation, consisting in identifying the object, being used as an etalon of the specific form, in most of the cases is represented at the level of the paradigmatics. Emotional, negative or positive, appraisal of the objects’ forms is reflected at the syntagmatic level, in combinatory, and becomes evident in the cases, when the form of the object does not conform to the accepted form.